

Сергей Наумов

Колодец Сайфулы

Сергей Наумов

Колодец Сайфулы

OCR Денис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160033

Сергей Наумов. На расстоянии крика: Вече; Москва; 2004

ISBN 9533-0276 2

Аннотация

Сергей Наумов относится к тем авторам, кто создавал славу легендарного ныне "Искателя" 1970 – 80-х годов. Произведения Наумова посвящены разведчикам, добывавшим сведения в тылах вермахта, и подвигам пограничников.

Сергей Наумов

Колодец Сайфулы

* * *

След обнаружили ночью. Две красные ракеты подняли заставу. Капитан Ермаков с "тревожной" группой прибыл на место нарушения.

Старший наряда сержант Петр Узоров, обнаруживший след, включил фонарик, прикрывая полую плаща яркий бьющий свет луча, и Ермаков увидел на мокром после дождя песке едва заметное углубление.

Это не был след человеческой ноги. Скорее всего, он походил на крохотную лунку, но Ермакову, служившему на границе десятый год, отметина на песке поведала многое.

Пользуясь грозовой ночью, нарушитель пересек пограничную реку, выполз на берег, лежа в кустах, дождался, пока пройдет пограничный наряд, собрал фиброгласовый шест, почти такой же, каким пользуются спортсмены, и перемахнул контрольно-следовую полосу в надежде, что затянувшийся ливень размочит лунку, оставленную шестом.

Нарушитель если шел быстро, то успел добраться до шоссе.

И еще понял Ермаков, что проводник с собакой здесь

не помогут. Секущие струи дождя давно уже смыли всякий след: сразу за контрольно-следовой полосой начиналось небольшое каменистое плато с нагромождением скал, переходящее в пустыню.

Дорога, уходящая в глубину республики, – вот первая цель нарушителя. Рядом – порт, через который товары из сопредельного государства направляются по бетонке на железнодорожную станцию. До нее несколько десятков километров. Движение на шоссе не прекращается и ночью. Значит, первое, что предпримет начальник отряда полковник Артюшин, – перекроет бетонку.

Так думал капитан Ермаков, сидя в канцелярии заставы и ожидая приезда Артюшина.

Он сделал все возможное, что следовало сделать в таком случае: заблокировал зону нарушения, выслал конный отряд на шоссе, попытался определить направление, в котором скрылся нарушитель.

Но собака Найда не взяла след.

Ермаков думал о нарушителе. Кто он? Во что обут? Как выглядит? Наверное, это сильный, тренированный человек. Долго же он ждал грозовой ночи. Дожди в краю песков в это время года редки.

За окном прошумел газик, и в канцелярию вошел седой крупный мужчина – полковник Артюшин. Поздоровался и сразу подошел к карте. С минуту разглядывал ее, словно видел впервые. Обернулся. И Ермаков увидел: обычно спокой-

ный, полковник на этот раз выглядел взволнованным.

– Садитесь, капитан, – негромко обронил он, – будем рассуждать.

Ермаков кратко доложил обстановку и только потом сел. Артюшин кивнул.

– Хорошо, что выслали конный наряд и заблокировали зону нарушения, перекрыли бетонку и все проселки.

Только я думаю, нарушитель осведомлен обо всем этом. Вернее, предположил такое, будучи еще на той стороне.

Полковник помолчал, хрустнул суставами сцепленных пальцев. Внезапно спросил:

– Вам никогда не приходила мысль, что песок похож на воду?

– Нет. Как-то не думал об этом, – признался Ермаков.

– И я никогда не думал. А сегодня вот пришло в голову. И знаете почему? Бюро погоды предсказывало не сегодня-завтра песчаную бурю. Как вы думаете, мог сей факт учесть нарушитель? Гроза уничтожила след на плато. Буря заметет следы в песках.

– Но... пески тянутся на сотни километров... Они безводны... Это же верная гибель... И потом, пески хорошо просматриваются с вертолета. Нарушитель, конечно, знает об этом.

– Да, знает, – согласился полковник, – а мы не знаем, какие маскировочные средства он применит в песках. Мы не знаем, сколько у него воды и насколько вынослив этот чело-

век. И не такая уж безводная пустыня – колодцы есть, капитан. Мало их – это другое дело. – Полковник нахмурился, за барабанил толстыми пальцами по столу. – Отправьте в пески лучших следопытов с рацией. Собака, я думаю, не понадобится... Выдержали бы люди... Связь по рации через каждые два часа. Квадрат поиска будет прочесываться и с воздуха, вертолет я вышлю в ваше распоряжение... Пока все...

* * *

Пустыня казалась Антону Бегичеву огромным целлулоидным колпаком с вклеенным внутрь ярко пылающим диском солнца.

Он за два года службы на границе так и не привык к песчаному однообразию, к чудовищной летней жаре, к теплой безвкусной воде, выдаваемой по норме. Родом с Алтая, он тосковал по чистым горным лесам, быстрым прозрачным рекам, а засыпая, всякий раз видел солнечные лужайки, пестрящие разноцветьем, далекие заснеженные вершины, манящие прохладой и покоем.

Но не было на заставе более выносливого солдата, чем Бегичев. Сухой, жилистый, насквозь пропеченный солнцем, обладал он завидной выдержкой, рассудительным спокойствием. Был ловок и смел.

И сержант Узоров, получив приказ начальника заставы о поиске, выбрал Бегичева в напарники не раздумывая.

Ермаков кивнул, одобряя выбор, и пригласил сержанта в свой кабинет для беседы.

Час спустя оба пограничника уже шагали по барханам, то и дело вскидывая бинокли. Вертолет, присланный начальником отряда, высадил их в квадрате поиска и ушел на восток прочесывать с воздуха необозримое песчаное море.

С гребня перед пограничниками открывалась лощина, поросшая кустами саксаула. До горизонта тянулись, словно застывшие морские волны, гряды барханов.

– Ищи его тут, – присвистнул Бегичев, – легче иголку в стогу...

– Разговорчики отставить, – строго сказал Узоров. – Маршрут по азимуту. Встреча на четвертом бархане, считая наш первым. Пойдешь кольцами, так легче зацепить след. Ясно?

– Ясно, товарищ сержант, – не понимая суровой строгости товарища, откликнулся Бегичев.

Они разошлись в стороны и, не оглядываясь, зашагали с гребня, обходя лощину с саксауловым леском. Было слышно, как тихо звенят на ветру его седые от пыли листья.

Этот звон напоминал Узорову давний поиск. Они преследовали нарушителя на лошадях, как вдруг поднялся ветер и тонко, с надрывом запела пустыня. Ему объяснили: так стонет саксаул перед большой бурей.

Пустыня таила в себе несметное число загадок и опасностей. Чем больше служил Петр на границе, тем привлека-

тельной становилась для него одна из древнейших пустынь Средней Азии. Она скрывала под собой города и историю целых народов. Что-то прекрасное и вечное было в ее глубоком желтом безмолвии.

Много сил потратил Петр Узоров, чтобы, не страшась, ходить в поиск в самое сердце пустыни. Он приучил себя сутками обходиться без воды, ночевать, завернувшись в кошму, прямо на песке.

Крепыш, с движениями слегка медлительными, но тяжеловатой точности, Петр Узоров производил впечатление нерасторопного человека. На некрасивом обветренном лице северянина глаза смотрели зорко и уверенно.

За годы службы Петр изучил радиодело и мастерски владел ключом. Мало кто знал о сокровенной мечте сержанта стать археологом. Пожалуй, один начальник заставы догадывался о тайном желании пограничника. Навели Ермакова на такую мысль книги, которые Узоров выписывал из республиканской библиотеки. Но он об этом не обмолвился ни сержанту, ни кому-либо другому.

Солнце встало в зенит, когда Бегичев обнаружил цепочку неглубоких вмятин, полузасыпанных рыхлым песком.

– Старый след, – сказал Узоров, – пятичасовой давности. Обут в кауши...

Сержант достал планшетку с картой, еще раз взглянул на след, потом на компас.

– Направление на северо-восток... Что у нас тут поблизо-

сти? Сторожевая башня времен Тамерлана. И там... колодец.

– Откуда же он взялся, след-то? – оглядываясь по сторонам, пробормотал Антон.

Узоров чуть слышно рассмеялся:

– Учись, Антоша, пока я жив... Нарушитель упал с неба...

Пески, как вода, имеют способность течь, то есть передвигаться в пространстве. За пять, а может, и больше часов песок поглотил след... Этот остался, потому что сравнительно свеж. И заметь, остался в ложбине, где текучесть песка меньше.

– Попить бы, – пробурчал Бегичев.

– Пить будем через час, – отрезал сержант. – На вот кусочек соли... Легче станет.

Узоров протянул товарищу белый крупный кристалл.

– Обойдусь...

Сержант пристально взглянул в лицо Бегичева. Увидел обтянутые сухой кожей скулы, потрескавшиеся от солнца губы, глухим голосом мягко сказал:

– Придется потерпеть, Антоша. До ближайшего колодца пять часов пути. А мы не знаем, куда нас приведет след.

Теперь они шли вместе, соблюдая дистанцию в пять метров. Песок засасывал, словно трясина, горячими струйками сползал за голенища брезентовых сапог.

Небо превратилось в сплошное, низко нависшее над головой солнце.

Фляжка на боку – искушение. Слышно, как в ней булькает

вода.

Антон отцепил фляжку, снял пробку. Бросил взгляд на идущего впереди сержанта и жадно припал к горлышку.

След уводил в сторону от колодца. Он странно петлял среди барханов, и Узоров злился, что не понимает намерений человека, обутого в кауши, бредущего по пустыне, словно по колхозному рынку.

– Что-то тут не так... – бормотал сержант, всматриваясь в отпечатки сильных и легких ног. Он уже давно радировал, что обнаружил след, и получил приказ преследовать неизвестного.

Нарушитель, если это только он, казался Узорову глупым и неопытным человеком. Похоже было, что он заблудился и теперь метался по пескам в надежде найти воду.

Черепашу первым увидел Бегичев. Она лежала в стороне от следа, сливаясь с желтизной бархана. Антон подошел к ней и дотронулся до панциря. Черепаша не шевельнулась.

"Интересно. Мертвая черепаха", – подумал Бегичев и окликнул сержанта.

Узоров, увидев черепаху, вдруг устало опустился на песок и не спеша закурил сигарету.

– Отдыхай... – зло бросил он и скрипнул зубами.

Сержант долго молчал, разглядывая огромную черепаху, потом тихо пробормотал:

– Она не мертвая. Она спит, Антон... Так делает только один человек в округе. Его зовут Сайфула. Он уходит в пу-

стыню собирать черепах. А чтобы не тащить за собой тяжелый груз, кормит пойманную черепаху травой, которая пропитана анашой. Черепаха засыпает и остается на месте. На обратном пути он собирает их в мешок.

– Но почему один?.. И зачем ему черепахи? – спросил Бегичев.

– Сайфула одинок, – пояснил сержант. – Черепахи – его ремесло. Он продает их в зоопарки, в институты для опытов, просто как среднеазиатский сувенир. Ловит он и змей. Двадцать лет, как промышляет.

– Значит, ложный след...

– Значит, так, товарищ Бегичев...

Узоров задумался. За пять лет службы на границе Петр привык, размышляя, сопоставлять факты, анализировать их со скрупулезной тщательностью. Сейчас его волновала мысль: случаен ли выход Сайфулы в пустыню, совпадение ли это?.. Нарушитель исчез, а наутро в пустыню пошел Сайфула. Совпадение? Вполне может быть. А если преднамеренность?.. Нужно увидеть Сайфулу. Что-то есть подозрительное в том, как он уходит.

Сержант развернул рацию и достал сложенный вчетверо лоскут выгоревшего брезента.

– Антон, сделай тень...

Бегичев встал над рацией и развернул брезент.

– Ну, что? – спросил Антон, когда Узоров закончил сеанс и упаковал рацию.

– Будем напрашиваться к Сайфуле в гости. Будем угощать старика водой. Если у него ее нет...

Сайфула настороженно и насмешливо смотрел на пограничников из-под лохматой, надвинутой на глаза папахи.

– Салам алейкум, – первым приветствовал старика Узоров.

– Алейкум салам, начальник, – спокойно ответил тот и жестом пригласил пограничников к костру, над которым висел котелок.

– Шурпу варишь? – спросил сержант.

– Угощайтесь... – сдержанно сказал старик.

– Спасибо. Мы гости нежданные и ненадолго. Чужого не встречал в пустыне?

Старик прищурился, неторопливо помешивая варево в котелке:

– Нет, начальник...

– Как добыча? – спросил сержант.

– Слава аллаху, как всегда...

– Змеи? – кивнул Узоров на пыльные черные курджумы.

– Есть немного...

– Вода нужна?

– Спасибо, начальник... Я много не пью... – Дым костра сузил глаза говорившего.

– Черепах твоих видел. Спят... – Сайфула равнодушно кивнул головой. – Покажи, что поймал...

На лице сержанта появилось почти мальчишеское любо-

пытство.

Старик исподлобья внимательно взглянул на Узорова, в глазах на мгновение промелькнула ярость.

– Сам смотри. Гюрза не любит, когда тревожат ее сон.

Не спуская глаз с Сайфулы, сержант подошел к курджумам. Поднял один из них, сделал движение, словно развязывал мешок.

Старик бесстрастно помешивал варево в котелке. Легкая усмешка застыла на его губах.

– Как же ты их ловишь, Сайфула? – Старик кивнул на длинную бамбуковую палку, расщепленную на конце. – Сделаю себе такую же, – сказал сержант. – Желаю удачи...

Сайфула встал, приложил руки к груди, вежливо поклонился.

* * *

– Курджумы тяжелы. Сколько, по-твоему, весит одна змея, Антон?

– Килограмма два...

– Надо точно знать. В каждом курджуме килограммов по пятнадцать. Если принять твой счет, старик поймал пятнадцать змей, что маловероятно. И учти, он петляет по пустыне с такой тяжестью, а не идет обратно домой. И вспомни – черепахи. Зачем усыплять черепах, их уже не унести. Через двенадцать часов они проснутся. Сайфула знал, что по его

следу пойдут...

– И от воды отказался... – сказал Бегичев и дотронулся до пустой фляжки.

– Вода... – задумчиво протянул Узоров. – С вертолета обшарили весь квадрат и, кроме Сайфулы, не обнаружили никого... Для кого же старик несет воду?..

– Что? – вскинулся Бегичев.

– В курджумах вода, Антон, – спокойно пояснил сержант.

– Нужно задержать старика, – твердо сказал Бегичев.

– Это было бы слишком хорошо для нарушителя. И для Сайфулы тоже. Что ты докажешь? Что человек взял с собой в пустыню большой запас воды. Нам с тобой важно знать, где он оставит эту воду. И кто за ней придет...

Шагая по сыпучему склону бархана, Узоров думал о человеке, для которого Сайфула нес воду. Сержант понимал, что старик выполнял роль подвижного промежуточного колодца. Поэтому и обходил сторожевую башню. Он видел вертолет и догадывался, что колодец в башне может быть блокирован пограничниками.

На что же теперь надеялся старик? Он должен понимать: мы не выпустим его из ноля видимости. Куда он пойдет?

Узоров сделал небольшой крюк по пескам, выбрал самый высокий бархан и достал бинокль.

Сайфула все так же сидел у костра. Похоже было, что он молился.

Старик даже не погасил огня, и тонкая струйка дыма тя-

нулась вверх, в летящий мрамор раскаленного неба. Это было похоже на сигнал, на предупреждение об опасности.

Прошел час, но ничто не изменилось в позе старика, два раза он подбрасывал ветки саксаула в костер и застывал как изваяние.

Изменения произошли в пустыне. Потускнело солнце. Горизонт задернулся бурой пеленой. Внезапно закурились серой пылью гребни барханов. Словно глубокий вздох пронесся над песками, и зашуршали, зазмеились тысячи желтых ручьев.

Вскоре вершины барханов скрылись в тучах песка. Раскаленные песчинки яростно хлестали по лицу, но Узоров не опускал бинокля. Он встал, чтобы лучше видеть. На миг среди пышущей жаром мутной пелены ему удалось разглядеть поднявшегося с земли старика. Взвихренный страшной силой ветра песок заслонил фигуру Сайфулы и все вокруг.

– Он уходит, Антон, – прокричал сержант.

– Радируй в отряд, – скороговоркой выпалил Бегичев, – и пойдем следом.

– Нужно переждать бурю, – склонившись к товарищу, снова прокричал Узоров, – и сбережь рацию. Мы не знаем, сколько будет бушевать "афганец". Доберемся до старой кошары и там переждем бурю. Кошара слева от нас, в двух километрах.

Старая, заброшенная пастухами кошара открылась внезапно среди плотной жгучей мглы. Некогда обшитое кошмой

и дранкой помещение являло собой грустное зрелище. Ветер продувал его насквозь, распахнутые ворота бились и скрипели в ржавых петлях. Узоров захлопнул ворота и привязал их бечевкой к толстой жердине.

Бегичев привалился к стене, где меньше дуло, и, едва разлепив спекшиеся губы, пробормотал:

– Пить...

Сержант встряхнул его за плечи, нащупал пустую фляжку на поясе Антона. Молча отцепил свою, протянул товарищу.

Бегичев сделал большой глоток и, отвернувшись, возвратил фляжку.

Сержант только смочил губы. Он вспомнил слова Ермакова, сказанные во время беседы перед поиском:

"Синоптики предсказывают песчаную бурю. Держитесь ближе к строениям, их у вас два: развалины сторожевой башни и кошара. Укройтесь там в случае необходимости. И берегите воду..."

Узоров нащупал упрятанную в ранец трехлитровую флягу – НЗ и тихонько вздохнул. Хотелось пить, но больше хотелось смочить иссеченное песком лицо.

"Афганец" бушевал весь остаток дня и только к ночи затих. Кошару занесло песком по самую крышу, и Узоров с Бегичевым потратили целый час, чтобы выбраться на поверхность.

Огромные лохматые звезды висели над пустыней. Небо, яркое от звездного свечения, соприкасаясь на горизонте с

землей, внезапно обрывалось сплошной темнотой. В ней едва просматривались только гребни барханов да угрюмо поскрипывал саксаул.

Но так длилось недолго. Выкатившаяся луна преобразила пустыню. Барханы окрасились голубым цветом, потеряли свои контуры и стали похожи на присевшие легкие облака.

В этой призрачной голубизне все стало близким, невесомым, и Узорову на миг подумалось, что если попробовать сейчас бежать, то, пожалуй, можно оторваться от земли и полететь над песками.

Сержант слушал тишину. Что-то шуршало, но в поле зрения ничто не двигалось, и казалось, что это шуршит луна, плывущая в холодном небе.

– Пошли, – шепотом приказал Узоров, – и тихо...

Они пересекли гряду барханов и остановились пораженные. След темнел полукругом. Он лежал на склоне песчаного холма, как брошенная веревка. Он как бы приглашал идти за ним и был похож на вызов.

Узоров молчал, вглядываясь в дорожку из следов. Человек прошел здесь час назад. И это не Сайфула. Сержант достал складной метр и измерил отпечаток. Стопа шире и длинней, чем у старика. Обут в спортивные ботинки. А может быть, старик сменил обувь? Где же они прятались от урагана? Неужели в старом полуразрушенном колодце, на месте заметенного песками кишлака?

Никто в округе не знает так пустыню, как Сайфула.

След завораживал, неудержимо манил за барханы. Бегичев непонимающе смотрел на сержанта. Узоров же тщательно исследовал песок там, где не было и намека на след. Наконец сержант удовлетворенно хмыкнул и поднялся с колен.

– Он его заметал, Антон... – негромко, словно самому себе, обронил сержант.

"Ему нужно, чтобы мы потеряли время. Мы пойдем по следу, и след этот будет временами исчезать. Щетка с тонким ворсом – вот чем орудует человек в ботинках. Он хочет, чтобы мы тыкались, как слепые котята. Идти по заметенному следу – все равно что ползти по пескам на животе. Хитрый, коварный враг. Где же Сайфула передал ему воду?" – размышлял Петр Узоров, вглядываясь в своего напарника, словно видел того впервые. Он дорого бы сейчас дал за то, чтобы знать, кто торочит этот фальшивый след: Сайфула или неизвестный?

– Антон, пойдем кругами, – сказал Узоров. – Должен быть второй след. Будь внимателен и, главное, старайся идти тише. Ночью в пустыне шорох за версту слышно. Встреча – за четвертым барханом.

Бегичев кивнул. Он давно привык подчиняться товарищу: знал и верил: Петр Узоров опрометчивого решения не примет. Но как идти бесшумно, если ноги проваливаются по щиколотку в сыпучий, шуршащий песок? Как быть внимательным, если все ждешь, что вот с близкого гребня грохнет прицельный выстрел?

Впереди что-то заблестело, засверкало, и Бегичев догадался, что выходит к шору-солончаку и что поблескивает в лунном свете соль. Он услышал лай шакалов, насторожился. Поискал глазами фигуру Узорова, не нашел и короткой перебежкой приблизился к солончаку. Шор нужно было обойти по кольцу. След на твердом грунте едва ли обнаружишь, на тонком же слое песка он должен прочитаться довольно четко.

Антон увидел отпечатки знакомых каушей, когда кончал осмотр песчаного кольца вокруг шора. Цепочка следов тянулась на северо-восток.

И опять след свежий, получасовой давности. Бегичев не сомневался, что он проложен стариком.

Антон шел, низко согнувшись, зорко поглядывая вперед, держа автомат на изготовку. Внезапно ему показалось, что он увидел голову человека. Она мелькнула на гребне холма. Бегичев распластался на песке и медленно пополз вверх по гребню, оставляя так и не исчезнувшую голову слева от себя. Он перевалил через гребень и осторожно двинулся к черному предмету – теперь он не был уверен, что это голова человека, – маячащему на вершине бархана.

Когда подполз ближе, в призрачном свете луны разглядел кожаный туркменский курджум.

Он не раздумывал, когда рванул курджум с земли. А почувствовав тяжесть кожаного мешка и уверовав в то, что там вода, развязал сыромятную тесемку, перехватывающую гор-

ло курджума.

Вероятно, он поступил правильно: пограничник обязан осмотреть встреченный им предмет, тем более если он идет по следу. Но Бегичеву не хватало осторожности и опыта, которые имел сержант Петр Узоров. Из мешка послышалось шипение, и показалась голова кобры. Черной молнией выбросилась она из курджума, злобно раскрыв пасть.

Антон, ошеломленный внезапным появлением змеи, отпрянул от мешка, инстинктивно вскинув перед собой левую руку. И тотчас почувствовал острую, режущую боль в указательном пальце.

"Ударил зубами", – пронеслась мысль. Кобра снова взвилась в воздух. Антона захлестнула волна ярости. Почти не сознавая, что делает, здоровой, правой рукой он захватил змею ниже пасти и, глядя в мерцающие холодной злобой глаза грозы пустынь, изо всех сил стал давить ее горло.

Кобра крутила пастью, выставив зубы, по которым каплями стекал яд. Потом обмякла, бессильно упал раздвоенный язык, и тогда Бегичев отпустил горло змеи. Черной лентой скользнула она к ногам Антона.

– Глупо, – прошептал пограничник, разглядывая потемневший, распухший палец. Он знал, что укус кобры смертелен. Нужно быстро спустить отравленную кровь, иначе... последний час видит он эти голубые в свете луны барханы, яркие бесчисленные жаринки звезд, пронизавшие темное ночное небо.

Антон рванул из ножен штык-тесак, снял с плеча автомат, воткнул его стволом в песок, положил распухший палец на торец приклада.

– Врешь – не умру... – в отчаянии прошептал Бегичев и, занеся руку с клинком, ударил резко и сильно, отсекая уже не принадлежавший ему указательный палец. – Я не должен умереть... Петя... Ты слышишь, не должен, – пробормотал пограничник, впадая в беспамятство, и повалился на спину.

На бинтах, стягивающих всю ладонь левой руки, проступило алое пятно. Оно ширилось, росло, и скоро вся повязка набухла кровью.

Узоров разорвал зубами второй индивидуальный пакет.

– Антон... Ты меня слышишь? Слышишь, Антон? – склонился он к товарищу.

– Слышу, – тихо отозвался Бегичев и открыл глаза. – Налож жгут... вот сюда, – показал пограничник чуть выше локтя. – Бинт не поможет.

– Как ты?

– Из смерти выполз... Еще бы полминуты и... крышка. Сайфула нарочно подложил.

– А ты как думаешь? Расчет на пограничную бдительность. Идти-то сможешь?

– Не смогу – поползу, – сквозь зубы процедил Бегичев. – Мы теперь с ним, гадом, железной цепочкой связаны.

Узоров снял со спины ранец и развернул рацию.

– Я радирую: пусть высылают "тревожную" в наш квадрат.

И привезут воду. Мы теперь...

Он недоговорил. Длинная автоматная очередь разорвала тишину пустыни. Пули с железным шорохом взбили песок у самых ног сержанта, жалобно звякнули о металл радиостанции.

– Ложись! – крикнул Узоров и скатился по склону к кустам саксаула.

Бегичев бросился следом. Новая очередь веером взбила песок впереди пограничников. Антон упал.

– Жив? – окликнул товарища Узоров.

– Живой...

– Стреляют слева, с гребня... Не давай пристреляться, открывай огонь. Я поддержу... Им важно расстрелять рацию...

Бегичев ударил из автомата по гребню. Узоров резанул короткой очередью на звук вражеского автомата и быстро пополз вверх по склону, навстречу выстрелам.

– Прикрывай огнем, – успел крикнуть он и замер, ткнувшись головой в песок: пуля ударила в приклад автомата, рикошетом обожгла щеку.

Снова застучал автомат Бегичева. С гребня ответили длинной очередью. Узоров не шевелился.

– Петя, живой? – крикнул Бегичев. – Сержант молчал. – Убили, сволочи...

Бегичев рванул к себе брезентовые ремни рации и вдруг увидел на металлической коробке два пулевых отверстия.

– Все, – прошептал солдат, – отработала родная...

Пограничник посмотрел на то место, где лежал Узоров. Сержант медленно полз вперед.

– Живой... живой же... – пробормотал Бегичев.

Он упер диск в коробку радиостанции и прицельно ударил по самому гребню.

Узоров достиг середины склона, взмахнул правой рукой. За гребнем вырос черный султан взрыва.

На песке лежали автоматные гильзы. От них тянулась цепочка следов, испятнанных чем-то темным.

– Он был один, – сказал Узоров, рассматривая углубление в песке.

– Теперь не уйдет, – не отрываясь от бинокля, отозвался Бегичев. – Жаль, рацию попортил. Сейчас в самый раз вертолет нужен.

– Он в рацию и метил, – сказал Узоров. – В нас уже потом...

– Он ранен! – вскрикнул Бегичев, склонившись над следом.

– Вперед, – шепотом выдохнул Узоров, – я бегом. Если опять застрекочет – прикроешь огнем...

Они увидели его в лощине. Человек сидел, прислонившись спиной к стволу саксаула, руки его сжимали автомат, голова безвольно свесилась на плечо. Узоров узнал Сайфулу. Большое темное пятно расплылось на знакомом халате. Старик был мертв.

– Теперь назад, – угрюмо приказал сержант, – к следу, что

ведет от солончака...

Бегичев покачнулся и тяжело опустился на песок. Большую руку нестерпимо ломило и жгло, словно ее сунули в костер. Кружилась голова, во всем теле ощущалась слабость.

Сержант достал флягу с НЗ, отвинтил пробку, протянул товарищу.

– Пей, пока не напьешься, – сказал он, – и умойся.

– А ты? – пробормотал Антон.

– И я тоже. Сейчас глупо беречь воду... Мы должны его достать... Понимаешь... достать. Он недалеко... три тысячи метров... не больше. Пей, Антон, и вставай... Скоро день...

Они шли на восток, навстречу солнцу. У них не было воды. Связь с отрядом прекратилась – сержант оставил ненужную рацию и теперь шел налегке.

На двоих – три автоматных диска и одна граната. А проклятый след то исчезал, то появлялся в стороне от заданного направления. Нарушитель двигался зигзагами, делал скоростные рывки там, где попадался такыр, и снова петлял, выигрывая время. Казалось, ему зачем-то нужен яркий солнечный свет.

Узорова раздражала такая неразумность неизвестного. Именно ночью он должен был идти по прямой, сокращая путь к цели. Днем же обзор местности в бинокль увеличивался втрое, и они должны увидеть его. Здесь крылась какая-то загадка.

Небо смутно розовело. И вдруг яркий, жгучий свет залил

горизонт от края до края. Ночь была отброшена стремительным, резким ударом солнечных лучей.

Пустыня преобразилась. Из серо-голубой она стала жгуче-желтой, и далеко на востоке проступили на ставшем шафрановым горизонте плоские и резко очерченные, точно приклеенные к небу холмы.

– Мираж, что ли? – пробормотал Бегичев.

– Там, за холмами, – горы, – тихо произнес Узоров. – Он идет туда, Антон. И хорошо знает дорогу.

Сержант вскинул к глазам бинокль. В окулярах поплыл знакомый пейзаж – гряды бесчисленных холмов.

Узоров вздрогнул и опустил бинокль. Потом снова поднес его к глазам. По дальнему бархану передвигалась длинная, угловатая тень.

– Посмотри, Антон, – протянул сержант бинокль товарищу. – Что-то у меня с глазами. Вижу тень, а от чего она – не вижу.

Бегичев взял бинокль.

– Тень... Я тоже вижу тень... Она передвигается, – вскрикнул пограничник.

– Может, облака... – неуверенно произнес Узоров. Оба посмотрели на небо. Оно было чистым до самого горизонта.

– Теперь бегом, – приказал сержант. – На месте разберемся и с этим фокусом. Я – по следу, ты – в обход. Маскируйся и действуй по обстановке. Сигнал – взрыв гранаты.

Узоров согнулся и быстро скользнул вперед. Ноги его сра-

зу обрели легкость. Таким он был всегда в минуту напряженной погони или опасности.

Остановила его длинная автоматная очередь. Пули пропели высоко над головой, и Узоров догадался, что стреляют издалека.

"Хорошо, что он заметил меня. Это заставит его сконцентрировать внимание только на мне. Только бы Антон успел", – думал сержант, продолжая бежать по самой кромке бархана.

Короткая очередь полыхнула откуда-то слева. Нарушитель сменил позицию. Еще одна очередь. Пули вжикнули над головой.

Узоров упал, быстро добрался до гребня, снял фуражку, положил козырьком к противнику и отполз в сторону. Старый прием, но верный. Сержант отполз еще дальше и укрылся за наметенным ветром взгорком.

Он взглянул на часы. Прошло пятнадцать минут.

Снова короткая очередь – и фуражку словно ветром сдуло.

Сержант осторожно выглянул из укрытия. Каждый мускул у него был напряжен до предела. И тут он услышал звук. Левее того места, откуда нарушитель вел огонь, вырос султан взрыва.

Узоров резко вскочил на ноги и ринулся по склону на тусклые вспышки выстрелов. Сержант на бегу бил короткими очередями по гребню и, как ему казалось, быстро караб-

кался наверх. Справа стрекотал автомат Бегичева.

Внезапно выстрелы прекратились. В жгучем мареве, струившемся над раскаленными песками, вырос силуэт человека с поднятыми руками.

Вот уже можно разглядеть искрящийся на солнце длинный халат лазутчика и такого же цвета диковинный капюшон, закрывающий верхнюю часть лица неизвестного.

Они шли к нему с двух сторон: слева – Узоров, справа – Бегичев.

И вдруг быстрым движением нарушитель выбросил правую руку в направлении сержанта. Сухо треснул выстрел. Пуля вырвала автомат из рук Узорова.

Неизвестный упал на склон и покатился вниз.

– Стреляй в ноги! – закричал сержант, бросаясь по склону вслед за нарушителем.

Бегичеву было неудобно стрелять с вытянутой руки. И все-таки он зацепил неизвестного первой же очередью, когда тот вскочил и вскинул руку с пистолетом.

Неизвестный обмяк и рухнул на песок. Подбежавший сержант ногой выбил пистолет. Он извлек из воротника рубашки задержанного ампулу с ядом, когда подошел Бегичев.

– Ты контузил его пулей в голову, – сказал Узоров, вытирая кровь с лица нарушителя. – Нам просто повезло...

Он показал товарищу ампулу с ядом.

Узоров истратил на задержанного последний пакет с бинтами. Он низко наклонился над ним и вдруг похлопал его по

щекам.

– Хватит притворяться, вы уже пришли в себя, – негромко сказал сержант. – У вас дрожит правое веко. Вот это...

– Уберите руку, – хрипло выдавил тот и открыл глаза. Резким движением склонил голову и впился зубами в ворот рубашки.

– Скорпион... – брезгливо пробормотал Узоров и отступил на шаг.

Сержант внимательно разглядывал неизвестного. Тот был, пожалуй, по-восточному даже красив. Сросшиеся брови, волевой, хорошего рисунка подбородок, тонкий, с горбинкой нос. И холодные, жестокие, с неуловимыми зрачками глаза.

Он кого-то напоминал Узорову, что-то знакомое было в хищном изгибе надбровных дуг, в правильности черт, во взгляде из-под полуприкрытых век. Стоило сержанту взглянуть на руки нарушителя с длинными фалангами пальцев, как он вспомнил изящные, несмотря на старость, пальцы убитого Сайфулы.

– Сайфула – ваш отец? – быстро спросил Узоров. – Он убит...

Лицо задержанного исказилось, напряглись мышцы щек. Он обжег пограничников ненавидящим взглядом, взмахнул скованными руками, пытаясь встать. Напряжение обессилило его. Он затих.

– Понимаешь теперь, почему не обнаружили его с верто-

лета?..

Узоров потрогал халат на задержанном. Он зашуршал шорохом песков.

– Чисто сработано, – отозвался Бегичев, – даже капюшон оклеили...

Он распахнул халат – на поясе задержанного плотно, одна к другой висели шесть фляжек.

– Вода, – прошептал пограничник и отцепил одну фляжку.

– Мы не выпьем ни капли, рядовой Бегичев, – сухо сказал Узоров и облизнул пересохшие, спекшиеся губы.

– Вода же...

Сержант обнял товарища за плечо:

– Нельзя, Антон... Понимать должен... Это его вода...
Какая она – мы не знаем.

Бегичев не видел, как блеснули глаза задержанного, когда пограничник отцеплял фляжку.

Нарушитель не мог сдержать волнения, мышцы лица его вновь напряглись, вздрогнули руки.

"А еще говорят, восточные люди умеют скрывать свои чувства, – подумал Узоров. – Впрочем, все объяснимо. Он слишком много поставил на жажду. Последний шанс. В пустыне всегда хотят пить".

Сержант отослал Антона за саксаулом. Нужно было разжечь костер. Летчикам легче их будет искать. Они не вышли на связь, и это встревожит Артюшина.

Сержант думал о Бегичеве. Такие нужны границы. Опыт приходит с годами, мужество же впитывают с молоком матери. Узоров вспомнил Антона неуклюжим первогодком, не умеющим читать след, бороться с жаждой, быть собранным перед лицом опасности. Но было в этом пареньке спокойное, медлительное упорство, глубоко спрятанная внутренняя сила. И вот первая схватка с врагом, с матерым, специально подготовленным агентом. И в этой схватке родился пограничник Бегичев.

Строгий судья – Узоров. Но о каждом он думает с затаенной нежностью.

Есть в Антоне частица самого сержанта. Долгие месяцы ходили они вместе в дозоры и секреты. Узоров отдавал товарищу все, что знал и накопил за пять лет службы. Однажды Бегичев спросил: почему он не демобилизуется, не уходит с заставы?

И строгий судья Узоров спросил самого себя: "Почему?" Тогда он сказал Антону о чувстве долга. И сейчас мог бы повторить то же самое.

На границе служат люди долга. От неширокой контрольно-следовой полосы начинается огромная, великая страна, первое в мире государство свободных, счастливых людей. И нет большей чести, чем та, что выпала ему, сержанту Петру Узорову, – охранять мирный труд миллионов близких и дорогих его сердцу соотечественников.

– Пить... – услышал сержант. Неизвестный смотрел на по-

граничника широко раскрытыми ненавидящими глазами. – Пить, – потребовал еще раз задержанный и шевельнул головой.

– Вам придется потерпеть! – отрезал Узоров.

Снятые с пояса фляжки рядом лежали на песке у костра.

– Вы не имеете права, – процедил неизвестный. – Это негуманно – не дать напиться раненому, изнывающему от жажды.

– Не торопитесь умереть, – все так же жестко произнес сержант. – Вы нужны живым...

Он сказал это в надежде получить подтверждение своей уверенности в том, что вода отравлена.

Неизвестный молчал, прикрыв веками красные от напряжения белки глаз. Казалось, он снова потерял сознание. Внезапно он открыл глаза, внимательно и даже с любопытством посмотрел на сержанта. Тихо, с горечью сказал:

– На той стороне о таких, как вы, думают иначе. Теперь я знаю, они ошибаются...

Их обнаружили с воздуха на исходе дня. Бегичев и неизвестный лежали без сознания.

– Тепловой удар, – констатировал врач, – не смертельный. Организмы тренированные, молодые, наверняка выдержат.

Узоров сидел у костра, по-восточному скрестив ноги, не в силах пошевелиться. Перед ним лежали шесть фляжек с водой и под каждой лежал листок бумаги с надписью: "Отравлено".

Уже в штабе отряда анализы подтвердили предположение сержанта.